

Горюнов С.А., Костылев В.А.

**ПОЛИФОНИЯ ДРУГОГО:
ГРАНИЦЫ, ПРОЧТЕНИЯ, ПЕРЕСЕЧЕНИЯ**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Россия, Москва, existimator@yandex.ru
slav.costileow2013@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются замысел и процесс подготовки тематического номера журнала, посвященного дискурсу Другого. Описываются концептуальные ориентиры и междисциплинарные подходы, положенные в основу отбора материалов. Картируется проблемное поле, в котором пересекаются философские, религиозоведческие, антропологические, литературоведческие и иные исследовательские оптики. Анализируется, какие замыслы удалось реализовать, а какие остались за пределами номера, и дается взгляд редакции на итоговое содержание выпуска.

Ключевые слова: дискурс Другого; инаковость; междисциплинарность; редакционная концепция.

Поступила: 20.07.2025

Принята к печати: 10.08.2025

Goryunov S.A., Kostylev V.A.

**The polyphony of the other:
boundaries, readings, intersections**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Academy of Sciences,
Russia, Moscow, existimator@yandex.ru, slav.costileow2013@yandex.ru*

Abstract. This paper examines the concept and editorial process behind a thematic issue of the journal devoted to the discourse of the Other. It outlines the conceptual framework and interdisciplinary approaches that guided the selection of materials. The text maps the problem field where philosophical, religious studies, anthropological,

literary, and other scholarly perspectives intersect. It also analyzes which editorial ideas were successfully implemented, which remained beyond the scope of the issue, and offers the editorial team's view on the final content of the volume.

Keywords: discourse of the Other; otherness; interdisciplinarity; editorial concept.

Received: 20.07.2025

Accepted: 10.08.2025

Рудольф Отто определял нуминозное (от лат. *numen* – божественность) как опыт встречи с *ganz Andere* – абсолютно *инаковым*, внушающим священный трепет (*mysterium tremendum*). Лицо (*visage*) Другого – это этический вызов, – ответил бы Э. Левинас: присутствие, устанавливающее возможность сопереживания и одновременно взывающее к ответственности, содержащее в себе императив «не убий» («Лицо – это то, что нам запрещает убивать. – *Le visage est ce qui nous interdit de tuer*»). «Ад – это другие – *L'enfer, c'est les autres*», – возразил бы им обоим Ж.-П. Сартр, ведь для него Другой – это зеркало, в которое предельно невыносимо смотреть на собственное, отталкивающее (если не ужасающее) отражение.

Безусловно, важно помнить, что дискурс Другого получил свою первичную разработку и «огранку» именно в философии. Проговорено это или осталось умолчанием, но очевидно, что в любом разговоре о Другом свое место занимают (помимо упомянутых) такие фигуры, как М. Бубер («Я–Ты»-отношение), М. Хайдеггер (раскрытие бытия через *иное*), Э. Гуссерль (различные миры культуры, конституируемые как «жизненные миры» – *Lebenswelt*), Г. Гегель (самопознание духа через *иное* и, конечно, диалектический принцип *тезис – антитезис – синтез*), Ж. Деррида (неустранимая различность смысла – *différance*), М. Фуко (*инаковость* в срезе властных практик) и т.д. Эта полифония не складывается в некий единый теоретический взгляд, а, скорее, просто сосуществует в одном пространстве философской мысли. В этом плане наш номер остается философским, но не только.

Сегодня дискурс Другого, как своего рода оптика, структурообразующая тема или способ разговора о противопоставленном / различимом / несхожем, рассматривается, как правило, как кросс-дисциплинарная теоретическая рамка, и единство тут обнаруживается, скорее, не в общей стройной теории (которой, кажется, и нет), а в близости мотивов: конфликт, искажение, исключение, пограничность, чуждость, неравенство, бинарная оппозиционность

(orthodoxy / heterodoxy, мы / они, центр / периферия, свое / чужое). В этом плане представляемый номер журнала, безусловно, можно рассматривать как междисциплинарный.

При этом все дисциплины работают с концептом *Другого* по-разному. Попробуем кратко это обозначить, не претендуя на полноту взгляда (она тут невозможна). Так, в культурологии дискурс *Другого* осмысляется через тему несхожести, столкновения / соприкосновения с чужой культурой. В религиоведении чаще всего ключом к теме оказываются специфические бинарные оппозиции – чистое / нечистое, священное / мирское, секулярное / религиозное, телесное / духовное, праведное и греховное, жизнь и смерть, вера и разум. Кроме того, целый ряд явлений осмысляются через концепт инверсности (например, святотатство, кошунство, колдовство, суеверие, иноверие, инославие). В антропологии концепт *Другого* может раскрываться через дистанцию между наблюдателем и объектом наблюдения, асимметрию власти и языка (через авторитарность научного языка в отношении описываемого), проблему культурного перевода и т.п. В литературоведении – через диалогизм, многоголосие и *Другого* как некое условие смысла (М. Бахтин). В истории – через тему исторической дистанции и проблематику непроницаемости прошлого. В психологии посредством тем страха, проекции, вытеснения, стереотипизации, образ врага, etc. И нельзя сказать, чтобы перечисленные темы были строго привязаны к дисциплинам, наоборот, мы наблюдаем как они кочуют и вполне свободно заимствуются там, где оказываются удачно применимы к конкретному эмпирическому материалу.

Этот выпуск задумывался нами как попытка собрать в одном месте эту, всегда неполную, палитру способов говорить о *Другом*, и большего от него ждать и не следует. Попытка полноценно картировать дискурс и учесть то, как он существует в разных дисциплинах, свести понятие *Другого* к единому денотату, обозначить границы применения – все эти цели обрекли бы нас на неудачу. В этом плане разговор о *Другом*, как нам видится, нельзя завершить – его можно только прервать. Но кое-что нам все же удалось. В процессе подготовки номера стало понятно, что между текстами появляются неожиданные пересечения, сближения, порой почти диалог. Вместо системы получилось что-то вроде карты, вполне, как кажется, отражающей неровность границ, наслоения, пустые, незаполненные пространства (и это именно «значимые отсутствия»!). Тексты очень отличаются – у них разные ритмы, интонации, разные «точки

входа» в тему *Другого*. Поэтому наши рубрики – это не столько классификация, сколько некая попытка распределить их исходя из преобладающих тем. Вернее всего было бы сказать, что эти тексты не разрабатывают дискурс *Другого*, а существуют в пространстве этого дискурса, каждый – «как умеет». Попробуем контурно рассмотреть структуру номера.

Религиоведческий блок объединяет три статьи. В статье А.Ю. Сгонновой «*“Я дам вам другого царя...”: правитель как Другой сквозь призму кумранских текстов*» прослеживается развитие образов царской фигуры в текстах раннего иудаизма. Так, в период владычества эллинистических держав, когда реальный царь у евреев отсутствует, в религиозных текстах конструируется фигура небесного царя – мессии. В Книгах Царств (конкретнее Книге Самуила) Давид – историческая фигура, наделенная божественным даром, тогда как в пророческой литературе он приобретает черты *Другого*. Автор выделяет две функции царя – мессии: светская (повседневная) и эсхатологическая (спасение Израиля), что, как будто бы даже, рифмуется (впрочем, лишь отчасти) с концепцией двух тел короля Э. Канторовича, – правитель одновременно принадлежит двум реальностям: мирской и сакральной (Иной). Однако царская фигура может иметь и негативные характеристики (по тексту статьи). В Дамасском документе царь всегда чужеземец (культурный *Другой*), тогда как лидер общины – «князь». И, наконец, праведный царь (гарант небесного храма) может появиться лишь в конце истории и освободить общину праведных от противостоящих ей чужих. Он приобретает черты Совершенного *Другого*, обладающего полнотой знания. Статья Г.В. Бакуса «*Инквизитор и “другие”: еретики-вальденсы в поздних сочинениях Генриха Инститориса*» посвящена процессам стереотипизации *Другого* в Католической церкви на рубеже XV–XVI вв. Автор рассматривает то, как церковь объединяла черты различных еретических движений в компилятивный образ *Другого*. Так, опираясь на трактаты Генриха Инститориса, автора «Молота ведьм», Г.В. Бакус показывает, как инквизитор, используя свой личный опыт участия в судебных процессах над еретиками, проецирует обвинения, выдвинутые против вальденсов, на «чешских братьев». Церковь обозначает еретиков как *Других* во многом посредством проекции на них собственного упадка. Например, анализируя чудеса, Инститорис делит их на «подлинные» и «ложные» («дьявольской работы»). Непризнание первых и признание вторых одинаково являются маркером ереси. Еретики – *Другие* и в

эсхатологическом смысле (другие навечно), так как инквизиторы записывают имена неотрекшихся еретиков, чтобы Господь вычеркнул их из Книги Жизни (такая трактовка характерна для работ Бернара Ги). В конечном счете конструирование образа *Других* еретиков оказывается частью властного дискурса католической церкви, стремящейся доказать свою праведность и божественность. Наконец, статья И.В. Лупандина и С.В. Мельника «*Религиозные споры авраамического религий: история и типологизация*» посвящена расширенному пониманию концепта Диалога, а потому отличается и более широкими хронологическими и географическими рамками. В современных исследованиях межрелигиозного диалога большое внимание уделяется различным видам конструктивного диалога. В противовес этому авторы обращаются к теме полемики и риторики межрелигиозных споров, что существенно дополняет картину взаимодействия религий, делая ее более объемной. Диалог с *Другим* (как спор), зачастую заочный, выступает средством конструирования *Другого* и собственной идентичности, не способствуя пониманию оппонента. На примере полемических дискуссий между авраамическими религиями статья показывает, как спор становится идентитарной практикой.

Не менее любопытен и **литературоведческий блок**. Он объединяет две статьи. В тексте Е.И. Колосовой «*По ту сторону иного взгляда: (не)высказанное в поэзии Элизабет Сиддал*» биография и поэтическое наследие Сиддал анализируются через призму образов, созданных вокруг нее. Перед нами – две Сиддал: «прекрасная муза» (образ, навязанный современниками), и Сиддал – поэтесса, которой она видела себя сама. При этом как поздневикторианский миф о Сиддал – музе, так и позднейшая «реабилитация» автора (в которой Сиддал предстает как поэт) формируют две конкурирующие конструкции инаковости, между которыми едва слышен ее собственный голос. В финале статьи возникает третья Сиддал – помещенная в свой сложный, не отшлифованный контекст, где она пытается преодолеть навязанный преимущественно мужским окружением образ музы и утвердить себя как самостоятельного поэта. Статья Е.В. Соколовой «*Город как Другой в немецкоязычном романе 1990-х годов: Вольфганг Хильбиг и Вильгельм Генаццо*» раскрывает тему взаимодействия человека с городом (впрочем, всегда ли взаимодействия?). Город представляется как среда, которая десубъективирует своим воздействием, то есть некое *Другое*, которое поглощает личность. В рассматриваемых текстах город (как *Другой*)

оказывается иногда «экраном», на который проецируется внутреннее состояние человека, «зеркалом состояний», порой выступает враждебной гнетущей силой, порой оказывается чем-то лживым, поддельным, пространством неподлинного, порой сбивает с толку, запутывает. В романах Вольфганга Хильбига человек спасается от него, погрузившись во внутренний мир, который, по сути, остается единственным «своим» пространством, в окружении Чуждого города. Вильгельм Генацино, в свою очередь, дает более нейтральный образ города. Герой от него дистанцируется, но не относится к нему враждебно, он просто наблюдает и анализирует свои реакции. В конце концов он гармонизирует свои отношения с городом, и тот начинает относиться к нему благосклонно.

Антропологический блок открывает теоретическая статья Л.В. Клепиковой *«К вопросу о роли понятий в формировании дискурсов современных миграционных исследований»*, посвященная взаимовлиянию социальной реальности и социальных наук. На примере миграционных исследований автор рассматривает взаимодействие дискурсов, конструирующих властные отношения: науки, общественного мнения, СМИ и др. Научный язык в социальных науках никогда не бывает до конца нейтрален. Спор о понятиях в миграционных исследованиях – это дискуссия о восприятии «других» и их интеграции. Особенность исследований, характерных для социальных наук, в том, что их результаты возвращаются в изучаемую социальную реальность, изменяют (и искажают) ее. В статье в качестве примера такого влияния исследуется «методологический национализм», присутствующий в ранних этнографических работах. Статья Е.В. Мошняги и И. Хуссейна *«Конструирование нового Другого в эдьюскейпе. Коммуникация с непохожими Другими: Чужими и Чуждыми»* рассматривает функционирование Другого в образовательном дискурсе. Материалом статьи служат личные полевые исследования (интервью) и собственный опыт преподавания. Авторы выступают как со-исследователи, анализируя материал с позиций своих ментально непохожих культур (России и Пакистана). «Преподаватель и студент» – оба исследователя оказываются включенными наблюдателями в среде, где они изначально находились по разные стороны «баррикад» Другого. Межкультурность образования и его глобализация приводят к формированию образа Другого студента в современных вузах. Авторы выделяют два типа непохожего Другого: Чужой – способный адаптироваться, не испытывать дискомфорта от среды и стать близким к представителям

доминирующей культуры. Чуждый – избегающий контакта, неспособный к адаптации. Разница между Чужим и Чуждым определяется тем, насколько сильна разница в мировоззрении и аксиологической системе между доминирующей культурой и «гостевой». Эта разница заставляет преподавателя адаптировать содержание и методику под культурные особенности студентов. Наконец, завершает блок статья Сунь Цюхуа, И.С. Карабулатовой, Д.А. Околышева, Ф.Б. Саутиевой, Р.В. Лосевой *«Типологические маркеры женской красоты в русском и китайском фольклоре: универсальное и редкое в традиционном ценностном коде»*. Текст представляет собой интересный опыт в области лингвистической антропологии. На материале русского и китайского фольклора авторы исследуют семиотические маркеры образа женской красоты. Методология статьи во многом близка предыдущему тексту, поскольку в ней проводится кросс-культурный анализ непохожих культур (однако гораздо более мозаично и без «подтягивания» эмпирики, добытой с ожидаемой методологической строгостью – в первом тексте, напомним, большая эмпирическая база, скажем, «каноничных», с точки зрения методологии, интервью), где в качестве исследователей выступают включенные в культуру и языковую среду наблюдатели. Тем не менее стоит отметить весьма обширный корпус фольклорных текстов, послуживший материалом для исследования. Авторы оперируют обширной библиографией с большим количеством ссылок на собственные работы, что, по-видимому, призвано подчеркнуть глубину их погружения в исследовательский вопрос. Впрочем, отсутствие каких-либо ограничений по эпохе и стратам делает текст несколько дискуссионным, если исходить из того, что красота – изменчивая «категория» как во времени, так и для разных страт. Подобных оговорок в тексте нет, и при чтении ощущается некоторый эссенциализм в подходе к этой категории.

Номер завершается **философско-психологическим блоком**, состоящим из трех статей. Статья Е.В. Ким *«Метафора как инструмент выявления имплицитного определения себя»* представляет собой исследование на стыке философии и психологии. На обширном материале глубинных интервью и рефлексивных эссе исследуются практики метафорического анализа. Значимость этой работы для этого номера обусловлена тем, что она обращается к истокам зарождения концепта *Другого*, и даже продвигается дальше, поскольку исследует формирование концепта Я, без которого невозможна идея *Другого*. Последнее хорошо согласуется с идеями

М. Бубера. Статья А.С. Пасечник-Лайл «*Дуальная природа Встречи: формирование Я через внутриличностный и межличностный опыт*» также представляет собой психологическую работу с философским бэкграундом в лице Бубера, Юнга и Левинаса. Эта работа, как и предшествующая ей, обращается к формированию понятия Я, условием которого является *Встреча с Другим*. Однако, несмотря на основательную теоретическую часть исследования, при работе с эмпирическим материалом автор ступает на зыбкую почву психологической интерпретации карт таро. Исследования эзотерики – одна из «лиминальных» областей, ощущающихся нередко как своего рода «серые» зоны между строго верифицируемыми данными – зоной науки и зоной знания (не означающей автоматически ошибочность, а иначе выстраивающей аргументацию). Эти зоны, с одной стороны, подвержены диффузии и «взаимному обмену», с другой – быть может, и не вполне неуместны, если сказанное «срабатывает» (*anything goes* П. Фейерабенда). Работа с этим текстом для нас складывалась непросто. Понятно, что трудно проверить насколько карты таро соответствуют психотипам и архетипам, насколько точно они что-то могут отражать, тем более когда это не подкреплено конкретными эмпирическими данными. Впрочем, эта проблема – вечный спутник статей про юнгианство и фрейдизм. Концепция К.Г. Юнга подразумевает, что любые культурно-символические системы (к которым, безусловно, относятся и карты таро) в своей сути апеллируют к архетипическому. И некоторый скепсис по отношению к проверяемости можно было бы переадресовать как самому Юнгу, так и его предшественникам. Что-то вроде «навязчивой идеи» всех представителей психоанализа и юнгианства – стремления использовать культурно-мифологические системы не более как иллюстрации к процессам в бессознательном (вспомним миф об Электре и Эдипе, который у нас уже и не упоминается иначе как в связи с психоанализом). В этом смысле статья написана совершенно в духе коллег и предшественников автора, включая, конечно, и Фрейда. Завершает номер статья Е.П. Ананьевой «*Homo agonalis: от агона к агональности*». Целью статьи постулируется выявление имманентных характеристик понятия «агон», что создает отчасти схоластическое настроение. Кроме того, текст содержит весьма примечательные этимологические рассуждения. Рассматривая агональность, автор исследует противостояние сторон, которые в процессе состязания конструируются как *Другие*. И в то же время

подобные отношения выстраиваются между участниками состязания и зрителями.

Об авторах

Горюнов Сергей Айказович – научный сотрудник отдела философии, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, Москва, existimator@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6256-5099

Костылев Вячеслав Андреевич – старший редактор отдела философии, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, Москва, slav.costileow2013@yandex.ru

About the authors

Goryunov Sergey Aikazovich – Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, existimator@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6256-5099.

Kostylev Vyacheslav Andreevich – Senior Editor, Department of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, slav.costileow2013@yandex.ru